

**УИЛЬЯМ
БАТЛЕР
ЙЕЙТС**

**ВЕТЕР
В КАМЫШАХ**

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Ирл)-5
Й 30

Перевод с английского Григория Кружкова

Оформление обложки Татьяны Павловой

ISBN 978-5-389-25236-3

© Г. М. Кружков, перевод, статья,
комментарии, 2024
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

У. Б. Йейтс

«СОХРАНИТЬ В ДУШЕ ИРЛАНДСТВО»

I

Ирландский вклад в современную литературу впечатляет. Достаточно назвать трех нобелевских лауреатов: Уильяма Йейтса, Сэмюэля Беккета и Шеймаса Хини, плюс безусловного классика XX века прозаика Джеймса Джойса, — уже немало для страны с населением всего-то в пять миллионов человек. Такое положение не случайно: Ирландия — страна с уникальным культурным наследием. Еще до святого Патрика, в IV веке принесшего ирландцам христианство, здесь существовала развитая кельтская цивилизация, о которой мы можем судить не только по материальным памятникам, но и по сохранившимся мифам и сагам. В раннем Средневековье Ирландию называли «островом святых и ученых», отсюда шли книги, которые переписывали монахи в многочисленных скрипториях, отсюда миссионеры отправлялись проповедовать Евангелие и основывать монастыри по всей Европе, доходя чуть ли не до Новгорода. Здесь полторы тысячи лет назад впервые в Европе появилась рифмованная поэзия (латинская поэзия обходилась без рифм) — удивительная монастырская лирика древней Ирландии.

И хотя англичане, окончательно завоевав остров в XVII веке, старались искоренить ирландский язык, и это им почти удалось, но и перейдя на английский язык, ирландцы остались ирландцами и сохранили многие родовые черты своей культуры, включая глубоко укорененное уважение к поэзии и книге.

Вот какую традицию унаследовал Уильям Батлер Йейтс (1865–1939), величайший поэт Ирландии, чья слава на родине сравнима со славой Пушкина в России. Впрочем, его значение выходит далеко за национальные рамки. Можно даже поставить вопрос: ирландский он поэт или английский? Казалось бы, ответ очевиден. Йейтс — патриот, собиратель ирландского фольклора, основатель Ирландского национального театра, а после получения Ирландией независимости — член Сената; его творчество пронизано мотивами ирландской истории и мифологии. В одном из последних стихотворений, обращаясь к поэтам-землякам, он завещал им верить в свое ремесло и быть верным родным традициям —

Чтобы навеки, как талант свой,
Сохранить в душе ирландство!

Но с другой стороны, писал-то Йейтс по-английски. Его детские и юношеские годы поделены почти поровну между Ирландией и Англией. Он учился в лондонской школе (где нередко получал тумаки вот именно что за свое «ирландство»), в Лондоне он искал признания, когда делал первые литературные шаги и был удостоен благосклонного внимания

6 Оскара Уайльда, здесь он ходил по редакциям, про-

водил многие часы в Британской библиотеке, дружил с поэтами из Клуба рифмачей. И главное — Шекспир. Шекспир, которого он если не всосал с молоком матери, то впитал изустно из монологов своего отца-художника. Шекспир, которого так же не вырвать из творчества Йейтса, как самого Йейтса не выкинуть из английской поэзии, где он занимает прочное и почетное место.

Сходные процессы происходили на окраинах всех больших империй. А Франц Кафка, родившийся в Праге, и ряд других выдающихся писателей и поэтов Австро-Венгерской империи? А Гоголь, плоть от плоти своей Диканьки и своего Миргорода, кто он — украинец или русский? Так было везде, где имперский язык, имперская культура наступала на культуру и язык своих национальных окраин.

У. Б. Йейтс (1865–1939) принадлежит в равной степени ирландской и английской литературе, XIX веку и XX. Начинал он как поэт-символист — и остался едва ли не единственным крупным представителем этого движения в Англии. Так и пишут в энциклопедиях: в Англии, мол, в отличие от Франции, России и других стран Европы символизма как такового не было — разве что Йейтс. Но определить раннего Йейтса как символиста было бы не вполне точно. Сам он, вспоминая молодые годы, писал: «Мы были последними романтиками».

Литературоведы рассматривают Уильяма Йейтса в рамках модернистской поэтики; но это ничего не объясняет в его судьбе. Да, он — поэт модернистской эпохи, современник Томаса Элиота и Эзры

Паунда. Но в отличие от двух названных поэтов он демонстративно придерживался антиавангардной позиции в искусстве. Йейтс никогда не старался бежать впереди прогресса — наоборот, он считал делом чести хладнокровно игнорировать его, идти не в ногу, стоять на своем, искать будущее в прошедшем. За это его называли чудаком, не раз пытались (особенно в 1930-е годы) «сбросить с парохода современности». Еще бы! В эпоху радио, аэропланов и профсоюзов он увлекался сказками, сагами о богах и героях, основывал какие-то загадочные эзотерические общества, искал истину в каббале, в картах Таро, в индийской философии, сочинял философско-мистический трактат о вечном круговороте души и истории. Можно сказать, что в эпоху наступившего материализма Йейтс представлял собой передовой, далеко выдвинутый вперед аванпост самого упрямого и закоренелого идеализма. Где-то рядом партизанили Честертон и Киплинг, Толкин и другие. Но если Киплинг, занявший конформистскую позицию по отношению к современности, обнаруживал романтику, скажем, в паровозах и машинах, то Йейтс не отдал бы за них ни лепестка своей увядшей розы, ни камешка старой башни. И если Толкин четко отделял свою профессорскую жизнь от блужданий в Средиземье, для которых существовали особые часы творчества да задняя комната оксфордского кафе «Орел и Дитя», то Йейтс, как истинный символист, не разделял жизни и стихов. Как заболевший кот обшаривает всю округу в поисках особой травки — единственной, которая может его исцелить, — так

Йейтс искал противоядие от низкого практицизма века где только мог — в фольклоре и античной философии, в оккультизме и теософии.

При всем том он был ирландцем — наследником кельтской традиции в литературе, духовным потомком друидов и бардов. Родина Йейтса — портовый город Слайго, на западе Ирландии. Его предки по материнской линии были моряками и купцами, по отцовской линии — священниками. Отец поэта, Джон Батлер Йейтс, получил юридическое образование, но в 28 лет резко оборвал карьеру адвоката и уехал в Лондон учиться живописи. Он стал художником, замечательным портретистом; благодаря его рисункам мы можем увидеть Уильяма таким, каким он был в детстве, — смуглым задумчивым мальчиком, углубленным в книгу. Чем-то эти портреты похожи на детские портреты Пастернака, набросанные его отцом, Леонидом Пастернаком. Да и сами эти художники, Йейтс-отец и Пастернак-отец, были чем-то похожи — может быть, серьезностью своего отношения к искусству, независимостью от модных течений эпохи; оба они оказали основополагающее влияние на сыновей; оба провели поздние годы в эмиграции: Джон Йейтс в Америке, Леонид Пастернак в Англии.

II

Детские годы Уильяма Йейтса прошли в Лондоне, за исключением летних каникул, когда его отвозили к родственникам в Слайго. Он любил слушать рассказы крестьян о волшебстве и духах, любил оди-

нокие прогулки по лесам и холмам, ночи на морском берегу. Сочинять романтические стихи Уильям начал, учась в художественной школе в Дублине; его ранние опыты заслужили одобрение известных поэтов, в том числе Хопкинса и Оскара Уайльда. Путь его определился раз и навсегда. «Моя жизнь в моих стихах, — писал он другу. — Ради них я бросил свою жизнь в ступу. Я растолок в ней юность и дружбу, покой и мирские надежды... Я похоронил свою юность и возвел над ней гробницу из облаков».

Йейтсу было двадцать четыре года, когда он встретил Мод Гонн — женщину, которой суждено было стать его музой, его долгой безнадежной любовью. Она была эффектной красавицей, богатой и независимой, но при этом — пылкой революционеркой, одержимой идеей ирландской независимости. Они подружились, Мод втянула его в патриотическое движение, Уильям посвятил ее в свои оккультные и поэтические интересы. Патриотизм Йейтса был далек от экстремистских крайностей, в Ирландии он видел прежде всего страну поэзии и оплот древней чести, попираемой прагматичной и меркантильной Англией. И когда Джордж Рассел писал ему: «Из Ирландии воссияет свет, который преобразит эпохи и народы (не правда ли, язык мессианства повсюду одинаков?)», Йейтс вполне разделял энтузиазм своего друга.

В 1899 году вышел сборник «Ветер в камышах» — высшее достижение раннего Йейтса, поэта «кельтских сумерек». Мир этой книги населен призраками и тенями; повсюду поэту мерещатся таинственные

«сиды» — духи, населяющие холмы и ветреные равнины Ирландии. Они же — древние боги, племя богини Даны, они же — вечные голоса, звучащие в шуме ветра, в ропоте тростника, в сумасшедшем звоне ночных цикад. По настроению, по порыву — выйти за грань обыденного, дневного бытия — они близки к написанным в те же годы стихам Блока, например: «Я вышел. Медленно сходили / На землю сумерки зимы...», или: «Я вышел в ночь — узнать, понять / Далекий шорох, близкий ропот, / Несуществующих принять, / Поверить в мнимый конский топот». С такого же *выхода* начинается «Песня скитальца Энгуса»:

I went out to the hazel wood
Because a fire was in my head...

Я вышел в темный лес ночной,
Чтоб лоб горящий остудить...¹

Период между сборниками «Ветер в камышах» и «Ответственность», с 1899-го по 1914 год, был у Йейтса наименее урожайным на стихи. В это время основные труды поэта были связаны с Театром Аббатства — первым ирландским национальным театром, одним из основателей и многолетним директором которого он был. Стиль поэта постепенно менялся, становился прямее, энергичней. Важной оказалась его дружба с молодым Эзрой Паундом,

¹ Между прочим, знаменитую концовку этого стихотворения «The silver apples of the moon, / The golden apples of the sun» — я перевел с ходу еще двадцать лет назад, но лишь недавно мне удалось удовлетворительно перевести начало. Это случилось не раньше, чем я заметил в слове «*hazel*» (орешник) в первой строке прячущееся слово «*haze*» — дымка, туман, мгла.

который в 1914–1916 годах практически стал секретарем Йейтса. Скажем, первая пьеса Йейтса в стиле японского театра но, «Ястребиный источник», была не только навеяна исследованиями Паунда в области японского театра, но и практически написана в соавторстве с ним: Йейтс диктовал текст, а Паунд записывал его и критиковал. Тут работала сложная диалектика: с одной стороны, Эзра искренне восхищался Йейтсом, выделяя его из всех прочих «поэтических староверов», с другой стороны, он постоянно внушал «дядюшке Вилли» свои имажистские идеи. «Поэт должен быть современным человеком, — утверждал Паунд. — Ясность, точность и никаких абстракций». Не правда ли — похоже на манифест русского кларизма, или акмеизма? Как бы то ни было, именно под влиянием Паунда завершилась давно желаемая и ожидаемая метаморфоза стиля Йейтса.

Существует любопытный синхронизм политических событий в XX веке в Ирландии и в России: ирландское восстание против англичан в 1916 году, обретение независимости в 1918-м, Гражданская война 1921–1923 годов происходили более или менее параллельно с русскими революциями и Гражданской войной. Когда в 1916 году разразилось «Пасхальное восстание», закончившееся казнью шестнадцати главарей (среди них — троих поэтов), реакция Йейтса была неоднозначной. В первый момент он возмутился «глупостью» этих людей, пожертвовавших жизнями из чистого нетерпения; но через несколько недель его взгляд изменился, и он написал стихотворение «Пасха 1916 года» с его знамени-

тым рефреном: «Уже родилась на свет / Страшная красота». Эта «страшная красота» Йейтса, очевидно, сродни пушкинскому упоению на краю бездны, восторгу Блока в поэме «Двенадцать» или трагическим прозрениям Мандельштама в «Петропольском цикле».

Поэтическая карьера Йейтса распадается на два периода, которые можно назвать «дореволюционным» и «послереволюционным». Весной 1917 года он купил свою знаменитую башню Тур-Баллили, которая стала символом его поздней поэзии, в октябре женился (что было в некотором роде революционным шагом для пятидесятидвухлетнего холостяка); наконец, в этом же году он написал прозаическую книгу *Per Amica Silentia Lunae* («При благосклонном молчании луны»; цитата из Вергилия), где в фрагментарной форме изложил свое поэтическое и философское credo.

Трудно исчислить все чудеса этого года. Достаточно сказать, что в том самом ноябре 1917-го, когда «призраки коммунизма» штурмовали Зимний дворец, другие призраки явили себя Йейтсу и его молодой жене в сеансах «автоматического письма», и из тех вещей, которые они рассказали, со временем родилась главная философская книга Йейтса, содержащая его всеобъемлющую теорию круговращения человеческой души и истории.

III

В основе надиктованной «духами-коммуникаторами» книги Йейтса «Видение» (ударение ставьте где хотите!) лежат две древние идеи: идея циклич-

ности и идея борьбы противоположностей. Еще Эмпедокл писал:

Властвуют поочередно они во вращении круга,
Слабнут и вновь возрастают, черед роковой соблюдая.

В системе Йейтса Великое Колесо, разделенное на двадцать восемь секторов, или фаз (лунное число), изображает и эволюцию человеческой жизни, и путь души, и ход мировой истории. Йейтс верит в пифагорейское учение о переселениях душ — и строит классификацию людей по типам, в зависимости от его «лунной фазы». Человек оказывается вовлеченным в два разных цикла: один связан с возрастом, другой — с перерождениями его бессмертной души, проходящей двадцать восемь кругов таких фаз.

На самом деле он участвует даже в трех циклах, ибо проходит вместе с человечеством по кругу земной истории: ее период, по Йейтсу, равен примерно двум тысячам лет и тоже связан с борьбой объективного и субъективного начал. Нынешний цикл начался с рождения Христа и достиг высшей объективности в эпоху Ренессанса; наше время близко к окончанию цикла, вот почему так распространились всевозможные нивелирующие личность учения. С этой точки зрения трагедия самого Йейтса — это трагедия человека героической, индивидуальной воли (он относил себя к семнадцатой фазе) в период размывания личностного начала — несовпадение фаз. С течением лет к этому прибавилось и старение — несовпадение всех трех фаз. Ущерб века, ущерб тела — и полнолуние души.

IV

В 1923 году Йейтсу присуждается Нобелевская премия по литературе — жест, как часто бывает у Шведской академии, не лишенный политической подоплеки, — своего рода приветствие Ирландской республике по случаю обретения ею независимости. Но Йейтс с лихвой отработал свою «нобелевку». Лучшие стихи он написал не до нее, но после. Сборники «Башня» (1928) и «Винтовая лестница» (1933), наряду со стихами последних лет, могут считаться вершинными достижениями поэта. Особо хочется сказать о цикле «Слова, возможно, для музыки». Говорят, что прототипом Безумной Држейн послужила Чокнутая Мэри — юродивая, жившая неподалеку от имения леди Грегори. Но эпический образ старухи, вспоминающей своих былых любовников, — гордой и нераскаянной — приводит на память прежде всего «Старуху из Берри» — одно из лучших стихотворений древнеирландской поэзии:

Вы, нынешние, сребролюбы,
живете вы для наживы,
зато вы сердцами скупы
и языками болтливы.

Но те, кого мы любили,
любовью нас оделяли,
они дарами дарили,
деяньями удивляли. (<...>)

Бывало, я мед пивала
в пиру королей прекрасных;
пью ныне пустую пахту
среди старух безобразных.

К «яростному негодованию» (слова из эпитафии Свифта) его толкало не только отвращение к материализму эпохи в целом, но и глубочайшее неудовлетворение ирландской жизнью и политикой. Он убедился, что жертвы, принесенные на алтарь ирландской свободы, были напрасны. Достигнутая в стране демократия оказалась «властью черни», безразличной к духовности и культуре. «Если эта власть не будет сломана, — писал он, — наше общество обречено двигаться от насилия к насилию или от насилия к апатии, наш парламент — портить и развращать каждого, кто в него попадет, а писатели останутся кастой отверженных в своей собственной стране».

Йейтса называют человеком поздней жатвы. Выпуская в 1937 году второе издание «Видения», он писал другу: «Не знаю, чем станет эта книга для других, — может быть, ничем. Для меня она — последний акт защиты против хаоса мира, и я надеюсь, что еще десять лет смогу писать, укрепившись на этом рубеже». Как это похоже на строки юного Китса, восклицавшего в 1817 году: «О, дайте мне еще десять лет, чтобы я мог переполниться поэзией и совершить то, что мне предназначено!» Судьба дала Китсу только три года. Еще меньше времени было в запасе у семидесятидвухлетнего Йейтса. В декабре 1938 года он пишет свою последнюю пьесу «Смерть Кухулина», а через две недели неожиданно заболевает, и 26 января 1939 года наступает развязка.

16 Эта была красивая, героическая кончина — смерть непобежденного. До последних дней Йейтс

греб против течения, пел не в лад с хором. В глазах авангардных, политически ангажированных поэтов 1930-х годов он выглядел нелепым анахронизмом. Достоинства его стихов признавались со страшным скрипом; его проза и критика начисто отвергались, пьесы считались провальными, философские взгляды — вредным чудачеством. Так что когда Уистен Оден, признанный лидер нового направления, написал элегию на смерть Йейтса, многим это показалось удивительным.

Но ведь и эти стихи полны знаменательных оговорок. Автор считает, что Время в конце концов «простит» Йейтса — за «умение хорошо писать». Характерно и название статьи Одена, опубликованной в 1940 году: «Мастер красноречия», — в ней он утверждает, что Йейтс «был больше озабочен тем, как звучит его фраза, чем истинностью идеи или подлинностью чувства». И безапелляционно, как приговор: «отсутствие подлинной драмы никакой театральностью не прикроешь».

Особенное раздражение вызывала «чокнутая псевдофилософия» Йейтса. Взвешеннее других молодых высказывался, пожалуй, Луис Мак-Нис, который даже был готов допустить, что Йейтс не настоящий мистик, а лишь человек, обладающий мистической системой ценностей, «а это совсем другое дело и вещь *sine qua non* для всякого художника».

И конечно, возмущала подозрительная аполитичность поэта. В годы перед Второй мировой войной каждый обязан был выбрать свою сторону баррикад. Но ему не внушало доверия ни одно из прави-

тельств. В одном из частных писем Йейтса 1936 года сказано: «Коммунисты, фашисты, националисты, клерикалы, антиклерикалы — все они должны быть судимы в соответствии с числом своих жертв».

Йейтсу выпала длинная дорога. Если в молодости он и был эстетом, построившим себе башню из слоновой кости, то в дальнейшем, как пишет Ричард Элман, «из-за недовольства соседей, а отчасти из-за собственных сомнений в ее прочности, он выбрался наружу, в мир, и добыл там менее изысканные материалы, которыми постепенно заменил всю слоновую кость, до последнего кусочка».

Но это не значит, что Йейтс готов был поступить своей юношеской мечтой. Те «спасительные слова», которые впоследствии произнесет И. Бродский и которые в письмах к нему дважды повторит Ахматова: «Главное — это величие замысла», — были спасительными и для Йейтса.

Он оставался цельным художником, несмотря на все свои противоречия и сомнения. Он не скрывал их, он вообще ничего не хотел скрывать: жизнь поэта, считал Йейтс, есть жизненный эксперимент, и публика имеет право знать о ней все. Шекспировская эпитафия: «Проклятие тому, кто потревожит мои кости» — не про него писана. Он положил на одну сторону весов свою поэзию, а на другую — свою судьбу, и обе чаши таинственно уравнились. Любые обстоятельства повседневности значительны, когда они освящены великой целью.

В Древней Ирландии было две категории поэтов: *барды* — исполнители воинственных, заздравных и сатирических песен — и *филиды* — поэты-жрецы,

носители высшей мудрости. Йейтс унаследовал традицию филидов.

Сознавал свою земную слабость, но верил в божественную искру, в то, что поэт, может быть, лишь «сверхмарионетка» движущего им высшего начала.

Старик в своем нелепом прозябанье
Схож с пугалом вороньим у ворот,
Пока душа, прикрыта смертной рванью,
Не вострепещет и не воспоет...

Наивность? Безумие? Но как ни удивительно, с ним произошло именно то, что предсказывал Платон в диалоге «Федр»: «Все созданное человеком здравомыслящим затмится творениями исступленных».

V

Русскому читателю Йейтс долгое время оставался практически неизвестен. Это объяснимо условиями времени и места. Сквозь идеологическое сито в Советскую Россию мало что проникало. Рильке, Йейтс, Элиот, Фрост и другие ведущие поэты Запада были персонами нон грата — лишь в узком литературном кругу о них что-то знали. Авторитету Рильке, например, содействовало восхищение Цветаевой и Пастернака.

У Йейтса тоже могла появиться такая влиятельная «русская поддержка» — Николай Гумилев. Они познакомились летом 1917 года в Лондоне, куда поручик Гумилев был командирован по военным делам. Впрочем, его особое отношение к ирландской

культуре проявилось намного раньше. Еще в ранних стихах Гумилев восхищался Кухулином, Финном и другими героями кельтских саг. Он писал о кельтской мифологии как третьей важнейшей в Европе после греческой и римской. Но самое главное — его привлекала особая роль поэзии в древней Ирландии, где поэтов почитали наравне со жрецами и воинами, где слово певца весило не меньше, чем слово короля. Он мечтал о том времени, когда снова —

Земля забудет обиды
Всех воинов, всех купцов,
И будут, как встарь, друиды
Учить с зеленых холмов.

И будут, как встарь, поэты
Вести сердца к высоте,
Как ангел несет кометы
К неведомой им мечте.

В 1916 году, то есть за год до лондонской встречи с Йейтсом, Гумилев написал пьесу «Гондла», главный герой которой — ирландский принц и поэт, погибающий ради просвещения язычников-исландцев. В основу сюжета Гумилев положил легенды, приводимые французским ученым Арбуа де Жубенвилем в его «Истории кельтской литературы». Так что Гумилев уже обладал опытом обращения к ирландской героической поэзии.

В письме Анне Ахматовой из Лондона он называет Йейтса «английским Вячеславом», подразумевая русского поэта и «учителя поэтов» Вячеслава Иванова и тем самым подчеркивая ключевую роль Йейтса в английском символизме. После возвраще-

Йейтс У. Б.

Й 30 Ветер в камышах : избранные произведения / Уильям Батлер Йейтс ; пер. с англ. Г. Кружкова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 320 с. — (Азбука-поэзия).

ISBN 978-5-389-25236-3

Имя Уильяма Батлера Йейтса, великого поэта Ирландии, писавшего на английском языке, лауреата Нобелевской премии (1923), в равной мере принадлежит ирландской и английской литературе. Мотивы саг о богах и героях соединились в его стихах с традицией, идущей от Шекспира и Мильтона, Блейка и Шелли. Первый сборник стихов Йейтса в России был издан только в конце XX столетия. С тех пор вышло уже немало его книг — не только лирики, но и пьес, рассказов, статей и воспоминаний. В настоящем издании читателю предлагаются поэтические произведения Йейтса в переводах Григория Кружкова: от романтических стихов периода «кельтских сумерек» до сборников «Башня» (1928) и «Винтовая лестница» (1933), которые признаны вершинными достижениями поэта. Издание также включает вступительную статью переводчика и подробные комментарии.

УДК 821.111
ББК 84(4Ирл)-5

УИЛЬЯМ БАТЛЕР ЙЕЙТС
ВЕТЕР В КАМЫШАХ

Ответственный редактор Оксана Сабурова
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Мария Антипова
Корректоры Татьяна Бородулина, Нина Писковитина

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 14.03.2024.
Формат издания 70 × 102 ¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 13,2. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, г. Санкт-Петербург, ул. Херсонская, д. 12–14, лит. А Тел.: (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел.: (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ Федералдық заң)

16+

A-PTR-34226-01-R